

тиси (концы 17 и начала 18 в.).

Что же касается автора, то имя его, вероятно, навсегда останется неизвестным. Можно быть это было и сам Мелхиседек, а может быть и кто другой. Одно можно сказать: это был человек начитанный, а главное хорошо знакомый с польскими летописцами, под влиянием которых он и сам писал.

Вторая часть Якимовской летописи повествует о событиях от Юрия до Владимира св. Внимательно эту часть содержащую достоверные сведения о наших событиях, сошедшая от его исторических вавилонян, как оно изображено у Нестора, определяя порою самый смысл Несторовых замечаний точнее. Матисев навел эту летопись Якимовский, полагая, что составитель ее был архиеп. Новгородский Иоаким, на основании аналогичных соображений: самая летопись начинается такими словами: „окнядохъ рускихъ... а святитель Иоакимъ до того родомъ написанъ“; на тетради, приписанной ему Мелхиседекомъ была приписка: „святитель Иоакимъ написанъ“; наконец, в самой летописи встречаются выражения: „придахомъ, мы же срояхомъ; асидяхомъ, уграхомъ, приидяхомъ“. На основании этих соображений Матисев счел, что составитель ее Иоаким.

По мнению Лавровского, если имя этого автора, за неимением других данных, и автора неизвестным, то значение летописи в этой области, вероятно, является восточным духом русского народа и ответственность их изложения останется в нас вечно священной. Однако и первоначальный вид ее мы определить не можем, потому что до нас дошел отрывок списка и притом сравнительно позднейшего времени.

§ 18. Особенности Якимовской летописи.

В иерархической литературе Якимовская летопись долгое время не была оценена должным образом; на нее снисхождением как на выдумку, не заслуживающую никакого внимания; утверждали даже, что это подделка самого Матисева. Иначе, под влиянием своего скептического ума, на основании баснословной первой части и некоторых несомнений от Несторовской летописи 2-й части,

первый отразились незадуманными пренебреженіем заговоромъ оней:
 „отакое широкое отъ ни одного слова не сказано въ, сѣмъ въ 1792 г. въ Пе-
 тровуртъ Релькнеръ не утверждалъ вторости ай пустой выдумки? За-
 нимъ другой авторитетъ науки Карамзинъ, второстно, подвѣдѣніемъ
 Мисера, утверждалъ, что исторія Матвѣева влечетъ съ Якимовской
 исторіею полна множествомъ ложныхъ анекдотовъ, историка ко-
 рыхъ имъ никогда не узналъ. Тогда же погрѣзъ взяла дрожали на
 эту исторію Калайдовичъ, Толстой и Погодинъ. Только въ по-
 слѣдствіе время, благодаря трудамъ Ан. Буткова, арх. Макария
 и особенно Соловьева и Лавровскаго. Этому историческому па-
 мятнику отведено надлежащее место въ исторической литерату-
 рѣ.

Укажемъ теперь на некоторыя особенности, которыми Яки-
 мовская исторія отличается отъ Несторовой, — особенности, сирѣ-
 чия поименіемъ, дополненіемъ, но никакъ не противорѣчіемъ ис-
 торіи кievской.

- 1) Говоря о смерти братьевъ первого русскаго князя, Якимовская
 исторія добавляетъ, что Рюрикъ владѣлъ имъ звѣмлей, не имѣя
на себѣ клятвы войны. Послѣдніе слова у Нестора нѣтъ; отъ ни сло-
 ва не говорится о томъ, что въ Рюрикъ отъ клятвы шло вѣль войны имъ
 сослужилъ. Если историкъ, на основаніи молчанія Нестора, не отвер-
 гаетъ мирнаго княженія Рюрика, то слова Якимовской исторіи
 только подтверждаютъ, значитъ, правоту имъ мнѣ-
 нія.
- 2) Въ Якимовской исторіи говорится, что Рюрикъ на чей годъ своего кня-
 женія переселился изъ Ладоги, старого города, въ восточный имъ Ново-
городъ. Что Ладога — старый городъ, который былъ до Рюрика, что Рюрикъ на-
 чала въ немъ жить, а потомъ уже въ Новгородѣ, — это фактъ, о которомъ
 не спорятъ. Что же касается времени, то у Нестора сказано только, что Рюрикъ
 у Ильюши переселился после смерти братьевъ, но когда — не сказано.
 Въ братьяхъ Рюрикъ отъ имъ два года; следовательно, остальные два
 года Якимовской исторіи на столько шире, чѣмъ въ вторни-
 ми, насколько ложнымъ произвольно допущенное предположе-
 ніе, по Несторовой исторіи, о переселеніи Рюрика сейчасъ же после

смерти братовъ.

3. Въ Якимовской летописи читаемъ: „посаха (Ворикъ) по вѣнчѣмъ дадъмъ князю отъ варягъ и славянъ“. Несторъ говоритъ только: „дадъмъ мѣстамъ своимъ“. Тамъ князя, здѣсь мѣста. Но вспомнимъ, что Несторовы мѣста въ Договорѣ Олега и Игоря зовутся дѣрзкими князьями; вспомнимъ, что въ этомъ же Договорѣ сѣтъ и славянскихъ именин, и тогда прибавка Якимовской летописи „отъ славянъ“ будетъ понятна.

4. Якимовская летопись называетъ Олега дядей Игоря. У Нестора читаемъ такъ: „умершу Ворикови, предѣлъ княженіе свое Омоговѣ, отъ роду сѣмъ суща“. По словамъ Матвѣева въ раскольниковыхъ спискахъ Олегъ Игоря „дядю“ Игоря, а „дядю“ по древне-русскому языку значить дѣда по матери.

5. По Якимовской летописи киевляне, притѣвляемые жаклымыи жаклами хазарь, сами просили Ворика прислать... и прислаша Аскольда. По Нестору Аскольдъ и Диръ, на пути въ Царьградъ, завладѣли Киевомъ. Слова Якимовской летописи можно такъ объяснить: киевляне жилось худо подъ властью хазаръ; они уже давно хорошии приморь призванія, которой совершился переходъ ихъ славянъ. По самой Несторовой летописи пріобрѣтеніе Аскольдомъ и Диромъ было такъ легко, что скорѣе они явились друзьями и помощниками, а не врагами-завоевателями.

По Якимовской летописи Аскольдъ правитъ полкынами игорянами. Принимая во вниманіе выраженіе Нестора — Киевляне, сидяще на горахъ и обычай древнихъ народовъ замаскировать свое названіе отъ нечестности, отъ сядяръ, это будетъ понятно.

Возвратившись въ Кіевъ послѣ похода на Константинополь и крушенія на морѣ, Аскольдъ „посла въ Царьградъ ко царю“. Этимъ въ летописи пропускъ; поборомъ читаемъ: „Михаило же возблагодари Бога, и да въ болгарію“. Еще Матвѣевъ видѣлъ въ этомъ указаніе на крещеніе Аскольда и русовъ. Это подтверждаютъ византійскіе писатели-современники и позднѣйшіе — Фотій, Константинъ Багрянородный, Кедричъ, Симонъ и др. Сравненія использованія по этому случаю архіеп. Макарія

также подтверждает. Приняв слова дяди, намъ будутъ понятны и слова Нестора: „на той мощи (аскады) поставилъ Олега церковь святого Николая". Надъ прихвотъ аскады не ставятъ церкви, были бы тамъ вѣтры посылъ смерти.

6. Омилия Якимовской говоритъ отъ Несторовой откосаея сего Оми-
и: Оми, каменная вѣра еще въ Киевѣ отъ жившихъ тамъ священниковъ,
не крестились въ откосе и въ боязни народа; эта боязнь побуждала еѣ
хотѣть креститься въ Константинополѣ. У Оми мнѣ кажутся
армянской вѣры въ Киевѣ, это легко возможно допустить,
зная, что при Игорѣ были въ Киевѣ церкви (св. Илии), были и армян-
скія церкви.

Константины Багрянородный упоминаетъ о священникѣ Григоріи,
сопроводившемъ Оми изъ Киева въ Константинополѣ. При этомъ до-
пускаетъ, что онъ былъ только спутникомъ, а не учителемъ Оми,
хотѣвшей креститься. При этомъ помянутъ боязнь Оми, князи-
ни и мудрой оеки, когда другіе просѣе люди не боялись исповѣ-
дывать христіанскую вѣру. Вотъ надо принять въ соображе-
ніе, что было простое народъ и другое, когда сама княгиня
принимаетъ другую вѣру, потому что народъ въ это время обращенію
основательно имѣетъ ждать скорой и вѣрной помощи аскады.

Говоря о смерти Оми Святослава, Якимовская говоритъ резко
отмѣщая отъ Несторовой, представляя его угрозами гонимымъ
христіанъ, убившимъ посылъ похода за Дунай, что посылъ бо-
шая часть войска, много христіанъ, участвовавшихъ въ этомъ
походѣ, въ толь мнѣ и брата „единого своего Иова", разру-
шившимъ храмы христіанъ въ Киевѣ. Тутъ же отмѣняетъ,
добавляя, что Святославъ отъялъ это не безъ сильнаго вліянія
вельможъ, „уже начала крестити на христіанъ, сущіе
въ воинствѣ, а коимъ се паденіе вой приключилось отъ прогна-
нія иже дого въ мѣ христіанамъ". Если ли Якимовская
хотѣла угрожать противъ исторической правды, выставляя
Святослава такимъ гонимымъ христіанъ, когда у Нестора
читаемъ о Святославѣ, что онъ „амѣ крѣ христіанъ крестити-
ся... ругаясь тому", или „се же въ толь мнѣ и брата

на матерю," которая по Никоновскому летописцу "бы императрица правительница втисийнов".

7. Упомянув о крещении Владимира и Руси, Акимовская летопись говорит: "царь же Болгарский Симеонъ прислалъ иереи и книги доволны". Это слово особенно возбудило сомнения и въ немъ видятъ противника Акимовской летописи доказывая, что въ подложности, невольности. Какъ можно допустить такой анахронизмъ? Борисъ умеръ въ 972г., а Владимиръ крестился въ 988г., когда современникомъ ему былъ въ Болгарии узурпаторъ Самуилъ, которому за его войны съ Византией вовсе было не до Владимира. Убого понятно, что здесь никакого анахронизма, нужно знать, что Самуилъ завладевъ болгарскими делами, когда были законные наследники на него, Борисъ и Романъ - ботти Петра I, жившие въ Константинополе; что Борисъ пожелалъ съ войскомъ возвратиться съ отцовъ отца своего; но былъ убитъ; что, наконецъ, оставшийся теперь одинъ наследникъ, Романъ, по извѣстиямъ Нестора и Зонары, назывался Симеономъ въ честь своего дяди Симеона Болгарского. Вотъ это-то Симеонъ и могъ прислать "иереи и книги" изъ Болгарии, принявшей уже больше столѣтѣ назадъ христианство и находившейся въ зависимости отъ Константинопольскаго патриарха.

8. По свидѣтельству Нестора Борисъ и Глебъ родились отъ болгарки, а по Акимовской летописи - отъ Анны. Какъ примирить это противорѣчье, когда Анна сестра византийскаго императора Василія и Константина? Сказанная книга говоритъ, что Глебъ былъ единокровенъ Борису. Это подтверждаетъ и взаимною ихъ любовью и любовью къ нимъ двоимъ преимущественно передъ другими людьми. Убиты они въ 1015г. и еще довольно молоды; о Борисѣ въ жизнеописаніи говорится: "аки цвѣтъ въ юности своей, бравъ млада и цвѣтъ, млада въ доѣ еще", когда убитъ. А Глебъ самъ о себѣ говоритъ такими словами, когда упоминаетъ убитыхъ: "ахъ, братіе, якоже видѣте возрастомъ немолодого младаго".

Бли Владимиръ на Анну женился въ 988. и „по крещеніи отпусти жены отъ себя“, то значить, Борисъ, какъ сдѣлавшу сыномъ Анны не могло бы быть болѣе (1015-388) 24-мъ лѣтъ. Тѣмъ въ предсмертной молитвѣ, обращаясь къ матери, называетъ её „госпожей“; Борисъ, по мѣртисѣ „свѣтлая царски“. Эти два выраженія, напомнимъ, по слововоу, имѣютъ царское происхождение по матери. Изъ этихъ соображеній выходитъ, что Борисъ и Анна не могли не быть детьми Анны и что Якимовская мѣртисъ въ данномъ случаѣ права.

Какъ же примирить Анну и болгарина? Обратился для этого къ митрополиту Татишеву, покорному Анна не была родной сестрой Василія и Константина. Византійскіе историч. упоминаютъ о родной и о сестрѣ Евфраніи, вышедшей за германскаго императора Оттона II, ничего не говоря о Аннѣ. Другіе же говорятъ, что была сестрою, но не родною. И вотъ Татишевъ думаетъ, что такъ какъ съ свидѣтельствомъ брака Петра I съ сестрой Василія II, отца Василія и Константина, тогда это Петра, если только была, должна быть сестрой и Василія и Константина, то только второродной, и жить по причинѣ неурядицъ въ то время въ болгарскомъ царствѣ — въ Константинополѣ. Татишевъ объясняетъ всего суровѣе и много объясняетъ эти на первый разъ противорѣчивыя извѣстія Несѣрова и Якимовской мѣртисѣ.

Вотъ и все тѣмъ же особенностями Якимовской мѣртисѣ съ Несѣровой, — особенностями вовсе не такого свойства, которые на основаніи ихъ сдѣлали Якимовскую мѣртисъ какою-то подозрительною, да еще подложною памятникомъ; напротивъ, важныя сами по себѣ, оное неровно указываютъ въ нихъ ясный смыслъ самого Несѣрова.

§19. Областные мѣртисѣ.

Съ начала XII в. области, вѣдѣвшія въ составъ Киевской Державы, мало по малу обособлялись, достигая значительной автономіи. Объединенная первы-